

Философское письмо Альфреда Тарского¹

Предварительное замечание. Это письмо от покойного ныне Альфреда Тарского, написанное в сентябре 1944 г., представляет значительный исторический интерес для многих философов. К сожалению, мне не удалось найти копию того письма, которое я отправил ему, и которое вызвало этот его ответ. Тем не менее, я помню, что в том письме я задал ему несколько вопросов, желая узнать его реакцию на определенные пассажи из работы Феликса Кауфмана *Методология общественных наук*². На странице 66 этого сочинения Кауфман указал на то, что «значение [предиката] «истинный», когда он прилагается к аналитическим суждениям (propositions), существенно отличается от его значения, когда он прилагается к синтетическим суждениям». В начальной части своего письма Тарский разбирает как раз такой род воззрений.

Однако ниже в письме Тарский поднимает еще одну тему: он обсуждает обстоятельства, при которых он был бы готов отвергнуть логические и физические предпосылки науки. Здесь его взгляды похожи на взгляды, развитые позднее У.В.Куайном в его работе «Две догмы эмпирицизма»³. В первом примечании к этой статье Куайн признает свой «громадный и невыразимый долг» перед Тарским и др. исследователями, словно имея в виду слова письма Тарского: «Я полагаю, что я готов отвергнуть определенные логические предпосылки (аксиомы) нашей науки при точно таких же обстоятельствах, при каких я готов отвергнуть эмпирические предпосылки (напр., физические гипотезы), и я не думаю, что в этом отношении я представляю собой какое-то исключение». К 1940 г., как вспоминает Куайн в своей автобиографии⁴, он стал развивать свои сомнения в отношении понятия аналитического предложения. Там же он отмечает (стр. 150), что Тарский поддержал его в этих сомнениях в то время, когда оба они входили в дискуссионную группу, которой Карнап пытался (неудачно) прочить всю целиком рукопись его *Введения в семантику*.

Я должен добавить, что я имел в виду письма от Тарского подобные этому, равно как и устные беседы с ним, когда в первом примечании к моей статье «Аналитическое и синтетическое: несостоятельный дуализм»⁵ я писал, что на мой общий подход к этому предмету оказали влияние не только Гудман и Куайн, но также и Тарский.

Для того чтобы проинформировать читателя, я добавлю, что «статья о логическом следовании», к которой Тарский отсылает в своем письме, была позднее переведена на английский под заглавием «О понятии логического следования»⁶, а «текущая статья об истине», о которой он говорит, — это статья «Семантическая концепция истины и обоснование семантики»⁷.

Я благодарен вдове Тарского, Марии Тарской, за ее согласие на публикацию данного письма.

Мортон Уайт

Калифорнийский университет
Отделение математики
Беркли, Калифорния

2606, Shasta Rd.
Berkeley 8, Calif.
23 сентября 1944 года

Дорогой Морти:

Очень трудно обсуждать на бумаге те вопросы, которые ты поднял в своем последнем письме. Да и по правде говоря, я вряд ли могу в чем-то выйти за пределы того, что я уже сказал в моей статье о логическом следовании и в нынешней работе об истине (смотри, особенно, мои замечания в § 14). Но я постараюсь проявить здесь большую скрупулезность.

Не будем ни на минуту забывать, что любое определение «логического термина» и «логической истины» может быть дано лишь в терминах заранее заданного (determined) языка и в отношении заданного языка (или заданного класса языков). Ясно, что для всех языков, которые нам известны, подобные определения могут быть даны (или даже уже даны); более того, они доказывают свою плодovitость, и это как раз самое важное. Мы можем определить «логические термины», например, путем перечисления; но ты понимаешь, что всегда существует бесконечное множество эквивалентных форм, в которых может быть выражено одно и то же определение. Верно и то, что мы способны даже помыслить возможность нескольких не-эквивалентных определений «логических терминов» (log. t.⁽¹⁾, log. t.⁽²⁾, и т.д.). Ну например: иногда мне кажется подходящим включать математические термины вроде отношения принадлежности (\in -relation) в класс логических терминов, а иногда я предпочитаю ограничиваться терминами «элементарной логики». Ну и в чем здесь проблема?

Точно также ясно, что мы можем определить понятие логически истинного предложения для всех известных языков. Мы можем сделать это множеством различных способов. [Например], пусть L_s будет классом логических предложений, E_s — классом вне-логических предложений, L_t — классом истинных логических предложений, E_t — классом истинных вне-логических предложений, наконец, Tr — классом истинных предложений. В таком случае нам может показаться подходящим либо сперва определить Tr , а затем L_t и E_t как пересечения $L_s \cap Tr$, $E_s \cap Tr$, либо сперва определить L_t и E_t , и затем Tr как объединение $L_t \cup E_t$. Обе процедуры *всегда* возможны, независимо от содержания определений. Я могу лишь добавить, что в семанти-

ческой концепции истины (а это, по моему мнению, единственная точная (precise) концепция истины, имеющаяся сейчас) мне показалось «более простым» и «более естественным» сперва определить «Тг», а затем с его помощью «Lt» и «Et»; однако слова «более простое» и «более естественное» я не использую здесь в каком-либо особо точном смысле.

Кстати, если под логическим предложением ты стал бы понимать предложение, которое не содержит вне-логических терминов, тогда определение $Lt = Tr \cap Ls$ не показалось бы мне подходящим и плодотворным. Я предпочел бы определение, которое также могло охватить бы все логические следствия таких предложений, т.е. результаты подстановок, замены определяемого определяющим и т.д.

В отношении проблемы, *означает* ли [слово] «истинное», применяемое к Ls , нечто отличное от того, что оно означает, будучи применяемо к Es : ответ тут зависит от того, как ты определишь выражение: « A означает в B нечто иное, чем в C ». Должен признаться, что я просто не знаю, что *означает* такая фраза. Я могу вообразить полезное определение значения в контекстах, похожих на такой: « B и C (т.е. два предложения или выражения) имеют одно и то же значение», «значение B »... и т.д. Но «значение A в B иное, чем значение A в C » — это кажется мне слишком запутанным. Конечно, я несколько не возражаю, чтобы кто угодно определял эту фразу как ему захочется и получал те ответы, которые ему нужны.

Являются ли предложения вроде: «Все имеющее цвет протяжено» *необходимым*? Это снова зависит от твоего определения необходимых предложений и от языка к которому ты обращаешься.

Ты можешь подумать, что я всю дорогу просто шучу. Но дело не в этом. Я и правда не понимаю, какие проблемы здесь замешаны; и если какие-то здесь все-таки есть, то они несомненно должны быть сформулированы совершенно иным образом. Я обратил внимание на то положение в книге Кауфмана, к которому ты отсылаешь, но я вполне серьезно считаю, что Кауфман (как и большинство других «философов») не имеет достаточной «логической культуры» и мыслит недостаточно ясно, чтобы обсуждать проблемы подобного рода.

Я повторю, что если какие-то проблемы или точки расхождения здесь имеются, они должны быть сформулированы иначе. Как бы то ни было, я совсем не чувствую в себе способности участвовать в любых дискуссиях, касающихся «законности» определений, «сущности» определяемых понятий и т.п. Ситуация изменилась бы, если бы проблемы, были сформулированы здравым, разумным способом, в терминах логики, физики, психологии и т.д. Вот несколько образчиков подобных формулировок (конечно, очень грубых образчиков).

Я склонен верить в то (следуя здесь Дж.С.Миллю), что логические и математические истины не отличаются по своему происхождению от эмпирических истин — и те и другие суть результаты накопленного опыта. Грубый пример. На очень ранней стадии своего развития люди научились пользоваться словами «не» и «или». В определенных случаях они были уверены в том, что нечто белое; в других случаях, что нечто [другое] — не белое. Во многих случаях они сперва были неспособны решить, является ли эта данная вещь белой или не белой (например, из-за плохого освещения). Но они заметили, что во многих таких неопределенных случаях они в конце концов принимали решение — посредством более вдумчивых и неоднократных наблюдений, лучших инструментов и т.д. Поэтому они начали верить в то, что «все или белое или не белое», или в более общем виде в «*p*, или не *p*». Конечно, вся эта проблема относится к истории науки, к истории человеческой мысли, и вовсе не имеет какой-то «философской» природы; но может случиться что я совершенно неправ. Однако добавлю, что эта проблема вообще не имеет какой-то фундаментальной важности.

Теперь о другой, более важной проблеме психологического характера. Я полагаю, что я готов отвергнуть определенные логические предпосылки (аксиомы) нашей науки при точно таких же обстоятельствах, при каких я готов отвергнуть ее эмпирические предпосылки (например, физические гипотезы); и я не думаю, что в этом отношении я представляю собой какое-то исключение. Объяснение: мы отвергаем некоторые гипотезы или научные теории, если замечаем либо их внутреннюю несогласованность (противоречивость), либо их несогласие с опытом, или скорее с некоторыми индивидуальными положениями, приобретенными в результате некоторого опыта. Такой опыт не может логически вынудить нас отвергнуть теорию: в нее всегда вовлечено слишком много дополнительных гипотез (относящихся к «начальным условиям», обстоятельствам эксперимента, используемым инструментам). Мы практически всегда можем спасти теорию при помощи дополнительных гипотез. Но часто эти дополнительные гипотезы столь запутаны и «неестественны», что они доставляют нам беспокойство — мы начинаем чувствовать внутреннюю нужду отвергнуть теорию или некоторые ее части, и заменить ее новой, которой не требовались бы дополнительные гипотезы. От природы опыта зависит, что именно мы отвергаем — довольно-таки специальный закон, который является «индуктивной генерализацией» индивидуальных положений, или более общую и глубокую гипотезу, или даже одну из фундаментальных предпосылок нашей науки (напр.,

отвержение ньютоновской механики или евклидовой геометрии). Аксиомы логики имеют столь общую природу, что они редко испытывают воздействие подобного опыта, случающегося в [более] специальных областях [познания]. Тем не менее, я не вижу здесь какого-то «принципиального» различия: я могу вообразить, что некий новый опыт предельно фундаментальной природы может склонить нас к тому, чтобы мы изменили некоторые аксиомы логики. И новое развитие квантовой механики кажется ясно указывает на эту возможность. То, что мы делаем это неохотно — не подлежит сомнению; в конце концов, «логические истины» не только более общие, но и куда более старые, чем физические теории и даже геометрические аксиомы. И возможно, мы отбираем эти логически истинные предложения и собираем их в некий класс, лишь чтобы выразить тем самым наше нежелание отвергнуть их.

Насколько это описание истинно и адекватно — я не знаю. Но у меня есть впечатление, что многие согласились бы с ним. Полагаю, к примеру, что Карнап согласился бы. Тем не менее, он заявил бы, что есть фундаментальное различие между изменением логики и отвержением физической теории; ведь, — сказал бы он, — в первом случае мы меняем язык, мы начинаем использовать слова в новом значении, тогда как во втором случае такого изменения не происходит. Почему? Ну, это следует из его определения значения (которое в свою очередь основано на определении логических терминов и логической истины). Конечно же, он вправе поступать так; он может принимать такое определение истины, какое желает; возможно и я согласился бы принять его определение. И все же я не вижу, как такое определение может реально повлиять на ситуацию; если вы определяете логические аксиомы в качестве таких, какие не могут быть изменены без изменения всего вашего языка, тогда конечно же вы не можете изменить их, не меняя языка — это трюизм (по меньшей мере, в нашей сегодняшней логике).

Но достаточно о проблемах, которыми ты заинтересован; я сильно сомневаюсь, найдешь ли ты удовлетворительными эти замечания.

Я должен извиниться за то, что не отвечал на твои прежние открытки, но ты легко можешь представить, как плохо мне было в эти последние месяцы — в связи с ситуацией в Варшаве. У меня разумеется нет никаких новостей от моей семьи с начала восстания и осады, и я опасюсь, что даже если они пережили это испытание, я еще долго ничего от них не услышу. Русские не беспокоятся о том, чтобы позвонить своим подданным сообщаться с остальным миром. Я все еще

не получил ни слова из тех частей Польши, которые были «освобождены» много месяцев назад, хотя у меня есть несколько добрых друзей, которым известен мой адрес.

В такой ситуации мне трудно что-то делать, помимо того, чтобы беспокоиться и слушать радио; даже написать письмо — нелегкая задача для меня. Я надеюсь стать лучшим корреспондентом, если ситуация изменится.

С наилучшими пожеланиями тебе и Люции.

Сердечно твой
Альфред.

Перевод с англ. *Д.В. Смирнова*

Примечания

- ¹ The Journal of Philosophy. 1987. Vol. 84. № 1, Jan. P. 28–32.
- ² Kaufmann F. Methodology of the Social Sciences. N. Y.—Oxford, 1944.
- ³ Quine W.V. Two Dogmas of Empiricism // Philosophical Review. 1951. Vol. 60. № 1, Jan. P. 20–43.
- ⁴ Quine W.V. The Time of My Life. Cambridge (Mass.), 1985.
- ⁵ White M. The Analytic and the Synthetic: An Untenable Dualism // John Dewey: Philosopher of Science and Freedom /Ed. S.Hook. N. Y., 1950. P. 316 ff.
- ⁶ Tarski A. On the Concept of Logical Consequence // Tarski A. Logic, Semantics, Metamathematics. N. Y.—Oxford, 1956. P. 409–420.
- ⁷ Tarski A. The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics // Philosophy and Phenomenological Research. 1994. Vol. 4. № 3, March. P. 341–376.